

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЭТИКУ ВОЙНЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПОДХОДА Ю. ХАБЕРМАСА*

Е. С. Черепанова

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

Аннотация. В статье ставится вопрос о методологической проблеме анализа связи религиозной культуры и этики войны в аспекте изучения персонального опыта участников военных событий. Исследование этики войны является одним из актуальных направлений современной философии, которая в большей степени сосредоточена на теоретическом анализе возможных нормативных противоречий. Однако не менее интересным представляется анализ рефлексивных документов, где отражаются персональные ценностные ориентации людей, вовлеченных в военные действия. Такой предмет философского анализа требует специальной методологии. Одним из продуктивных подходов в этом плане представлен в политической философии Ю. Хабермаса, который в целом ряде работ рассматривает проблему бытия культурных ценностей в сознании, а также феномен «эпистемического приоритета» религиозных ценностей. Указанный подход позволяет выявить трансцендирующее воздействие религиозной культуры через ценностные ориентации, которые позволяют человеку отличать благой/праведный образ жизни.

Ключевые слова: этика войны, религиозная культура, православная культура, философия Ю. Хабермаса

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00240).

© Черепанова Е. С., 2021

METHODOLOGICAL ASPECTS OF EVALUATING THE INFLUENCE OF RELIGIOUS CULTURE ON THE ETHICS OF WAR: HABERMASIAN APPROACH

Ekaterina Cherepanova

Ekaterinburg, Ural Federal University

Abstract. The article focuses on the methodology for analyzing the ways religious culture influences the ethics of war, in particular if the ethics is understood as personal moral experience of combatants. The ethics of war in contemporary philosophy is mostly concerned with normative and theoretical issues, whereas ego-documents reflecting on and representing the value orientations of individuals open up new venues for research on ethics. We argue that studying personal reflections on war and its ethics is best approached from the Habermasian perspective. J. Habermas in a number of his works outlines his theory of cultural values, their operation in human mind and the ‘epistemic priority’ of religious values. Thus, transcendent dimension that religious culture engenders and sustains foregrounds value orientations that enable individuals to make moral choices and chart the righteous path in life.

Key words: ethics of war, religious culture, Orthodox culture, Habermasian philosophy

Исследование этики войны является одним из актуальных направлений современной философии, которая в большей степени сосредоточена на теоретическом анализе возможных нормативных противоречий. Однако не менее интересным представляется анализ рефлексивных документов, где отражаются персональные ценностные ориентации людей, вовлеченных в военные действия. В этих текстах можно видеть не только реакцию на события войны, но и скрытые даже для автора мировоззренческие смыслы, позволяющие реконструировать нормативные, этические рамки, определяющие отношение к войне как к ситуации тотального насилия. Очевидно, что указанные рамки в своем основании связаны с религиозной культурой, в которой есть опыт решения моральных дилемм, связанных с насилием и смертью. Иначе говоря, для того, чтобы осуществлять рефлексю о войне, об оправдании насилия

на войне или о справедливости убийства, необходима опора на определенный нравственный ресурс, в котором как самоочевидная данность, как фоновое знание присутствует в том числе аргументация, связанная с религиозным дискурсом. Чтобы таким образом трактовать влияние религиозной культуры на этику войны, требуется специальная методология. Одним из продуктивных подходов в этом плане представлен в философии Ю. Хабермаса, который в целом ряде работ рассматривает проблему бытия культурных ценностей в нравственном сознании.

Известно, что в своей теории Ю. Хабермас исходит из феноменологической установки, которая позволяет ему сравнивать индивидуальные нравственные убеждения и те, которые представлены в культуре как жизненные миры, в горизонте которых явлен ценностный порядок, позволяющий индивидууму осуществлять оценку в практике морального выбора. Моральные оценки в практической деятельности человека, как подчеркивает Хабермас, это «вопросы добропорядочной жизни», ставящиеся исключительно индивидом. То, что составляет интегральную часть «культуры и личности», — это ценностные ориентации, которые не являются абстрактными нормами и проявляют совпадение жизненных миров индивидов и социальных групп. Можно предположить, что ценностные ориентации в значительной степени фундированы религиозной культурой, в рамках которой, как говорилось выше, уже сформирован опыт решения морального спора по вопросам применения насилия и смерти. «Культурные ценности также трансцендируют фактический ход действий; они сгущаются и образуют исторические или биографические узлы ценностных ориентаций, в свете которых субъекты могут отличить „добропорядочную жизнь“ от воспроизводства их „голой жизни“» [4, с. 170].

Практические дискурсы религиозной культуры «нагружены действием» (Хабермас), что является следствием социальных конфликтов, которые являются вызовом для религиозной морали, формируя таким образом комплекс норм «на все случаи жизни». Поэтому можно говорить, что если человек считает себя верующим, то ему проще не только осуществлять моральную оценку, но и совершать поступок. Как подчеркивает Ю. Хабермас, «для верующего

или для “странника” с большим метафизическим багажом существует эпистемический приоритет благого перед справедливым. При этом условии значимость этоса зависит от истины картины мира, образующей ее контекст. Коль скоро собственные представления о праведной жизни ориентируются на религиозные пути спасения или метафизические концепции блага, возникает божественная перспектива (или “view from nowhere” (вид ниоткуда)), исходя из которой другие образы жизни кажутся не только иными, но и неудачными» [3, с. 246] Однако это не означает, что несовпадение религиозных убеждений может быть всегда использовано как оправдание насилия против иноверцев. Вместе с тем, как можно видеть, Хабермас подчеркивает, что аргументация будет осуществлена с учетом ценностных ориентаций религиозной культуры, где вопрос о справедливости (в том числе о справедливости примененного насилия) заменяется вопросом о благе, о благе насилия, о благой смерти самого себя и противника.

В известной работе «Духовный смысл войны» И. А. Ильин воспроизводит рефлексивные рассуждения человека, который должен принять необходимость отправиться на войну и признать для самого себя неизбежность подвергнуть себя опасности, неизбежность убивать других: «...По внешнему принудительному приказу я должен оставить главное и любимое дело моей жизни, которому я обычно отдаю все мои силы; оставить дорогих мне людей, без которых мне, может быть, трудно прожить и один день... по приказанию стрелять и рубить, ранить и убивать других, незнакомых мне людей; самому подставлять себя под чужие удары и выстрелы; жить так недели и месяцы, может быть, год; наверное, видеть насилие, кровь и смерть; вероятно, получить телесное мучительное повреждение; может быть, стать калекою на всю жизнь; может быть, в мучениях умереть. <...> Помимо воли моей, без всякого повода с моей стороны, в моей жизни состоялся какой-то перелом, непоправимая беда: передо мною встало *начало конца моей жизни* (курсив автора цитаты. — Е. Ч.)» [1, с. 10–11]. И далее философ очень точно указывает, что война требует от человека убеждения в том, что умирает он за стоящее дело, то есть оправдать себя в имеющемся ценностном порядке. Таким образом, человек рискует жизнью,

готов умереть или убить только за то, что ценит выше всего. Для верующего И. А. Ильина очевидно, что эти ценности даны в духе русского народа и с детства присущи каждому русскому, который «с раннего детства впитывает и уже впитал в себя элементы того характера, той добродетели, той красоты, того мироощущения, того чувства Бога, которые уже осуществлены и еще осуществляют ее нашим народом сообща» [1, с. 41]. В персональном акте рефлексии происходит попытка встраивания случившегося, события войны, прежде всего в мировоззренческий религиозный контекст, позволяющий осуществить оценку. В данном случае можно видеть, как это происходит, когда И. А. Ильин трактует событие войны.

Сложнее обнаружить влияние религиозной культуры в рефлексии человека, который не включен активно в религиозную практику, полагающим себя представителем секулярного сообщества. В данном случае религиозная культура также продолжает оказывать свое влияние, но уже не в содержании аргументации. Ценностные ориентации, осознаваемые представителями прошлых поколений как часть религиозной культуры, могут продолжать быть значимыми как самоочевидные — общечеловеческие/вечные/гуманистические — ценности. Моральные основания, необходимые для рефлексии по поводу сложных вопросов, сохраняются, хотя «контекст мировоззренчески-религиозного встраивания этих оснований распался» [2, с. 85]. Остаются лишь формальные свойства дискурсов, позволяющих осуществлять рефлексии по поводу справедливого и должного, в некоторых случаях без уверенности, что аргументация будет понята и поддержана. Можно также отметить, что в этом случае нерелигиозной военной идеологии требуются сильные пропагандистские ресурсы, чтобы достичь необходимой степени общности всех, кто вовлечен в событие войны.

В завершение хотелось бы отметить, что вопрос анализа связи религиозной культуры и этики войны в аспекте изучения персонального опыта участников военных событий многоаспектен и может иметь различные методологические трактовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильин И. А.* Духовный смысл войны. М. : Тип. Т-во И. Д. Сытина, 1915.
2. *Хабермас Ю.* К архитектонике дифференциации дискурсов // *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией / пер. М. Б. Скуратова. М. : Весь мир, 2011.
3. *Хабермас Ю.* Религиозная толерантность как пионер прав культурной жизни // *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией / пер. М. Б. Скуратова. М. : Весь мир, 2011.
4. *Хабермас Ю.* Этика дискурса: замечания к программе обоснования // *Моральное сознание и коммуникативное действие* / пер. С. В. Шачина. СПб. : Наука, 2001.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТИЧЕСКОГО:
ФИЛОСОФИЯ МОРАЛИ
И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА
